

Н.Н. КОЗЛОВА

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ БИОГРАФИИ

КОЗЛОВА Наталья Никитична—доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Неоднократно публиковалась в нашем журнале.

Исследование биографии — трудный опыт. В журнале «Социологические исследования» (1993. №№ 1, 2) опубликован перевод статьи Д. Берто, И. Берто-Вьям «Семейное владение и семья», в которой анализируется семейная биография. Авторы не ушли от того, чтобы сформулировать, в чем состоит трудность таких работ. В социологии практически отсутствует традиция исследования «отдельных случаев» (case-studies): наука видится как рассуждение об общем. К этому следует добавить, что работать с биографиями трудно и потому, что биографический нарратив, рассказ автора о себе увлекает исследователя подобно потоку. Здесь трудно дистанцироваться от объекта анализа, трудно

останавливаться, дабы полноценно интерпретировать тот или иной факт, ибо рассказ о жизни, жизненный сюжет продолжается. Трудно, потому что чувствуешь, что приходится пребывать в зазоре между реальностью практики и абстрактностью теоретического дискурса, потому что ощущаешь сопротивление реальности познанию. Исследование биографии приближает теоретическое размышление к нарративности повседневной жизни, а хорошо это или дурно, кто его знает...

Исследование биографии — благодатный опыт. Это — метод исследования, позволяющий получить информацию о жизненных опытах, об индивидуальных выборах, об эксплицитных мотивах действия. Исследователь как бы попадает в область, где за совершенно добровольными решениями обнаруживается социально-структурирующее начало, где субъективные надежды и объективные возможности коррелируются. Работая с биографиями, лишней раз убеждаешься, что «социальный агент» — не кукла на веревочках структуры, что человек, его чувства, представления и деятельность лежат в основе любой социальной системы.

Предлагаемый ниже текст — опыт анализа биографии советского человека. Общий контекст исследования — процессы в советской модернизации. Мне пришлось познакомиться с записками Владимира Ильича Н.¹ Считаю себя человеком ничем не выдающимся, он все же, «имея пишущую машинку и свободное время», решил описать свою жизнь. Мы должны быть ему благодарны за это. Любая человеческая судьба заслуживает того чтобы ее не забыть. Каждая песчинка, несомая историческим ветром, имеет голос. Эту биографию я рассматриваю как симптоматическую. Люди, подобные Владимиру Ильичу, населяют стандартные микрорайоны российских городов от Беломорска до Хабаровска и Петропавловска-Камчатского. Он — в пальто с каракулем. Она — с норкой. Сколько их — пожилых и просто старых, доживающих свой век в очереди в собесе или за ветеранским заказом? Живут они в государственной или кооперативной квартире с мебельной «стенкой», холодильником, ковром и стиральной машиной. У них шесть соток за городом, порою свой автомобиль. Некоторые побывали за границей, но родина их — Советский Союз. Сегодня те, у кого есть еще здоровье и силы, составляют род стариковской Вандеи, сопротивляющейся очередным модернизирующим реформам. Они много пережили — коллективизацию и индустриализацию, террор, войну и послевоенные трудности. Но главное, они покинули традиционное общество, они перестали быть крестьянами. В личных листках по учету кадров они писали — «из крестьян».

Жизненная карта

Владимир Ильич родился в 1921 г. Он принадлежал к советскому обществу не только по случайности рождения, по естественной среде существования. Он и сам себя считал советским человеком и никогда от этого общества не дистанцировался. В его заметках не найдешь ни намёка на подпольность. Ну разве что «отдельные недостатки» не нравились... Недаром в архиве этот фонд величают «фондом ортодокса». Владимир Ильич предпослал своим воспоминаниям следующие строки: «Я благодарю Родину, народ за счастье жизни, за то, что я свободно жил и работал в трудное и прекрасное для народа время восстановления нашей родины». А рядом — фотография внука Володи и профильный портретик В.И. Ленина, вырезанный из журнала.

Архив Владимира Ильича — толстые тома: плотно напечатанный на машинке текст, затем переплетенный. Текст перемежается фотографиями, вырезками из газет, мандатами и почетными грамотами, приглашениями билетами на официальные мероприятия, корешками путевок на отдых и лечение и даже врачебными рецептами. Здесь же дневник погоды, семейные бюджеты. Кому-то собранное покажется кучей дряни. Но «дрянь» эта, во-первых, дорога Владимиру Ильичу. А во-вторых, именно этот «сор» помогает воспроизвести карту повседневности советской эпохи, ее правила игры, культурную и

¹ Центр документации «Народный архив». Ф. 366. Как известно, Народный архив собирает материалы, связанные с жизнью ничем не знаменитых людей.

когнитивную карту советского человека. Человек пишет о себе — и рядом оказываются «раскулачивание» и «первый раз попробовал городской покупной хлеб», «вступил в комсомол» и «научился бальным танцам». Начало службы в армии ознаменовано приобщением к курению. Он впервые получил путевку в дом отдыха в тот год, когда его выбрали депутатом райсовета. Рядом расположены картинка «голосуют Брежнев и Косыгин» и вырезки «просто об интересном»: о стихийных бедствиях, о жителе Мадагаскара, дожившем до 160 лет, об истории мужского галстука. Здесь же — фотографии детей, которых Владимир Ильич учил в школе в 1947 г., фотография сына в гробу, а рядом Людмила Зыкина и Эдита Пьеха. Словом, пестрота жизни. И эти коллажи «официального» и «неофициального» о чем-то говорят, на что-то намекают.

Сам-то Владимир Ильич как раз старался строить нарратив в соответствии с собственными представлениями о норме, о должной иерархии. Описывая по годам свои труды и дни, он начинает с зачина, например, с такого: «Неспокойно было в мире, разделенном на два непримиримых лагеря, между ними продолжается порой очень жесткая, явная и тайная, с жертвами и без них, война нового и старого мира, сил капитализма и социализма». Он пишет сначала о «жизни мира» и «жизни страны», потом о «заботах области» и только потом — «о работе и увлечениях», «родные и знакомые» и т.д. «Официальное» в эксплицитной иерархии явно занимает определяющее место. И нет здесь двуличия и лицемерия, просто кажется Владимиру Ильичу, что *«так надо»*. Идеологемы советской эпохи явно овнутренны, они — значимый факт душевной и духовной жизни, не говоря уж о том, что это повседневный ритуал: выпустить к празднику стенгазету, сочинить сощобязательства, провести собрание и оформить протокол... Повседневности явно придается идеологическая форма и не знаешь, а что, собственно, этому человеку важнее. Тексты Владимира Ильича как бы напоминают о справедливости мысли: повседневность лишь на первый взгляд кажется миром «твердой» реальности, на деле она протуберанцами выбрасывает клише, которые впечатывали в это сознание «культурные медиаторы» — школьные учителя, пропагандисты — штатские и армейские.

Так или иначе, Владимир Ильич принадлежит к числу тех людей, у которых в прошлом — жизнь в традиционной культуре, жизнь, которую они не просто помнят, но которая занозой сидит в их подсознании. Эта жизнь — постоянный предмет размышления, точка отсчета, ибо эти люди — кентавры, транзитивы.

Владимир Ильич сравнивает постоянно быт семьи отца и свой быт. «В доме отца почти вся мебель была собственного изготовления — шкаф, лавка, столы, комоды, стулья. У нас — все полированное, не считая шкафчика для игрушек... Даже посуда — и та не вся была у отца покупная. Корзины, бочки, ситево, ведра, лоханки и другое делал он из дерева или бересты. Очень много посуды было кустарной, из глины, из фарфора и стекла мало — несколько чашек и стаканов. У нас кустарного производства только ладка для приготовления пищи. Вся посуда современная, часть сервизная. Нет надобности говорить о сравнении дома отца и моей квартиры, о бытовых удобствах. Деревенский дом и городская квартира не поддаются сравнению: в них по-своему своя красота и удобства. В доме у отца было несколько керосиновых ламп в 7—10 линий, и бывало, что и с лучиной сидели. В доме печное отопление. У нас в квартире электричество, газ, центральное отопление. Отец старательно накапливал инструмент, много его сам делал для столярных и слесарных работ, для сапожных дел и катания валенок... Мы имеем много бытовых машин — холодильник, стиральная машина, пылесос, электроутюг и многое другое. Отец о радио узнал под старость, а у нас и радиоточка, и радиоприемниками запаслись, и телевизоры. У нас всего имеется 18 различных электрических приборов, машин, инструмента... Семья отца добывала условия своей жизни великим трудом без призывов и соревнования. Труд этот несравним с трудом нынешним. Ведь значительную часть обуви и одежды готовили сами: сам готовил кожу из шкуры своих коров, шил сапоги. Из шерсти своих овец валял валенки. Ткали различные ткани из шерсти, льна, конопли, шили одежду, белье всякое. Сами шили рубашки и другое из покупной ткани. Все это нынче довольно удивительно. А пройдет 50 лет, и наши потомки с большим удивлением будут говорить о наших днях, о нашем быте». А ведь и правда — дистанция огромного размера! И понятны становятся причины собирания «всего». Герой нашего рассказа как бы говорит: вот кем был я, и вот кем я стал.

Туда, где вечный праздник

Родом Владимир Ильич из деревни Ровдино, близ Вельска, что находится на реке Ваге в треугольнике между Няндомой, Котласом и Великим Устюгом. В текст воспоминаний вклеена карта, на которой красным цветом отмечено место рождения нашего героя. Это русский Север. Район — заповедная земля для этнографа. Читая детские воспоминания Владимира Ильича, невольно вспоминаешь то, что писал о русском народе замечательный наш этнограф С. Максимов. Приходит на память и книга М.М. Громыко «Мир русской деревни», в которой, кстати, довольно часты ссылки на исследования именно тех мест, откуда родом Владимир Ильич. То, как он описывает мир своего детства, как бы еще раз подтверждает сказанное специалистами: в 20-е годы в России восстановились общинные порядки. Господствовало натуральное хозяйство, а община фактически была выключена из товарной связи. *«5 магазине покупали только соль, спички, сельскохозяйственный инвентарь, ткани. Магазин был один на три—четыре десятка деревень. Не случайно в среде крестьян бытовало мнение, что "проживем без города, пусть город без нас проживет"»*. Владимир Ильич пишет о жизни вокруг русской печи, о ярмарках, которые прекратили существование только в 30-е годы: обмен продуктами рук своих и деревенский праздник... Конечно же, Владимир Ильич отмечает феноменальную зависимость существования от природы, от «мужской силы и лошади». *«В этой обстановке решилась судьба семьи, — пишет он, — будет она бедной или она уйдет от нужды, все зависело от трудолюбия главы семьи, умения его вести хозяйство»*. От физической силы, от каприза погоды... Он отмечает также: *«В нашей деревне, да почти во всех волостях почти не было так называемых бедняков»*. Богатые «богатели» на лесном промысле, на «лесохимии», т.е. получении дегтя, серы, угля. Для навоза держали много скота, а значит было много молока, мяса, сала.

Мир, в котором жил юный Владимир Ильич, не был идиллией; какой виделся ему на склоне лет. Зависимость человека от природы и общины казалась естественной, от века данной. Однако община на глазах деградировала, причем источником этой деградации было не только внешнее властное воздействие. В деревне последовательно происходил разгром одной группы меньшинства за другой. Чудовищное давление уравнительности вело к тому, что крестьяне переходили ту меру, которая бы обеспечивала воспроизводство образа жизни, крестьянской культуры, крестьянских ценностей. Опасность начинала исходить от самой общины. Утрачивалось доверие людей к друг к другу, которое является условием существования любой традиционной общности. Утомительность, мучительность, ненадежность деревенского существования многократно усиливались «укусами» власти.

Владимир Ильич пишет об отце-крестьянине, который удачно хозяйствовал, волок на себе большую крестьянскую семью. Он был грамотен, выписывал «Бедноту» и «Крестьянскую газету». Пытаясь понять то, что происходило после 1917 г., он обращался к церковным книгам, чтобы отыскать толкование, получить ответ на вопрос, будет ли второе пришествие Христа. В церковь отец ходил только по большим праздникам. Библии в семье не было, но иконы висели во всех четырех углах. Беда настигла отца в 1930 г. Как пишет Владимир Ильич, *«в нашей деревне все крестьяне до коллективизации были безбедны. Однако во время коллективизации партийная ячейка сельсовета, выполняя задание по раскулачиванию, приняла решение по отнесению нашей семьи к зажиточным. В 1930 году отец подвергся раскулачиванию... К нам пришла комиссия, описали основное имущество, опечатали и ушли... К нам реже стали заходить гости. Близкие родственники приходили и рассказывали, что в деревне раскулачивание Ильи Павловича (отца. — Н.К.) вызвало недоумение, осуждение, но втихомолку: боялись репрессий. Отец был послан на лесозаготовки для выполнения твердого задания. На семью возложили повышенные налоги. Отец выполнял, каждый раз осуждая несправедливость... В школе Валька Кичева из Юхнева — дочь активистки сельсовета — меня называла кулаком. Остальные ребята этого ни разу не допустили. А в классе у нас на газете был написан лозунг "Ликвидируем кулачество как класс". Такой лозунг... как сейчас вижу, хотя сидел в первом классе»*.

Этот «куку» власти остался в памяти на всю жизнь, определил дальнейший жизненный выбор. Мальчик ощущал депривацию, семья была исключена из привычного сообщества. Когда Владимир Ильич подрос, его не принимали в пионеры из-за подозрительного социального происхождения. Данный «случай» — вариант повседневно воплощения общего процесса распада традиционной общности.

Семья, однако, была спасена. Владимир Ильич продолжает: *«В марте 1930-го была опубликована статья И.В. Сталина "Головокружение от успехов". Отец был реабилитирован. Кончились приготовления к ссылке семьи: сушили сухари, вели моральную самоподготовку. Раскулачивание сильно повлияло на политические устои отца. Он с недоверием отнесся к организации колхозов, хотя никаких противодействий не собирался делать, просто решил в колхоз не вступать... Единоличникам отвели самые худшие земли, пашины, сенокос... Под давлением трудностей и отчужденности в 1932 году отец вступил в колхоз имени И.В. Сталина. Колхоз объединял крестьян одной нашей деревни, быстро налаживал совместный труд. Отец вскоре стал казначеем в колхозе. В денежных делах соблюдал строгость и аккуратность».* Словом, отец приспособился как мог.

Новая индустриальная цивилизация надвигалась на деревню через постоянные экспроприации и через внешнее привнесение технических средств. Записки Владимира Ильича — еще одно свидетельство того, как общинные формы жизни сочетались с современной техникой, как традиционное сознание встретилось с новыми средствами коммуникации — радио и кино. Конечно же, он живописует огромное впечатление от трактора. Рядом с их деревней проходил один из социальных экспериментов. *«По соседству с колхозом была коммуна имени И.В. Сталина. Коммуна была плодом перегиба в аграрной политике партии... Жизнь в коммуне не пошла в намеченном плане. Уравниловка, низкое плодородие, слабые доходы не дали зажиточной жизни коммунарам, хотя государство помогло. Коммунары стали уезжать. Позднее ее объединили с нашим колхозом. Скот у них был прекрасен, холмогорской породы... Однако и при таких условиях до войны по тем временам жили неплохо, даже некоторые хорошо. Дело в том, что народу достаточно было выполнения работ своевременно, колхозники под впечатлением новых условий работы относились к делу добросовестно. Это уже после войны, когда труд почти не оплачивался, люди перестали ходить на работу и нерадиво к ней относились».*

Малейший элемент новизны оказывал на деревенских жителей огромное впечатление, порождая мечты и грезы — чаще всего об уходе. Мысли эти чаще посещали молодые головы, которые схватывали любую новинку. Вот в 30-е годы стали впервые выращивать огурцы и помидоры. Попробовали вырастить кукурузу и тыкву, получилось, да не знали, как их есть. Удивительно вкусным оказался белый покупной, не похожий на домашний хлеб. В новое и неизвестное манило радио. Расширяя горизонты, оно оказывало модернизирующее воздействие, ощущаемое в квазимагических категориях. Впервые увидев поезд, мальчик захотел уехать на нем. Подрывала традиционный образ жизни и школа. В деревне читали старые книжки о Шерлоке Холмсе и Нате Пинкертоне, эти народные учебники жизни начала века. Напомню, что журналы «Нива» и «Родина» еще не истрепались и продолжали жить в деревне, тоже рождая мечты. Словом, воспоминания Владимира Ильича позволяют воспроизвести детали повседневности, формирующие поле желаний. Потребности индустриализации открывали возможность осуществления желаний.

Из текста воспоминаний возникает картина деревенской захолустной жизни, как она воспринималась мальчиком — пестрая, неоднородная. Приведу еще ряд деталей, которые не хотелось бы утратить. С бумагой было плохо, писали на листках из книг с бледным шрифтом. Ученики начальной школы участвовали в кампании по ликвидации неграмотности — культурная революция продолжалась. В 5-й класс дети ходили пешком за десять километров. Ребята проникали в закрытую церковь, брали толстые церковные книги, обрывали корки и использовали вместо отсутствующих портфелей. А учителем в школе был сын священника. По деревне ходил пьяница и орал: «Сволочи, все крестьянское добро разорили!» Он пел частушку:

Калина-малина, нет портков у Сталина.
Есть портки у Рыкова, и те Петра Великого.

Аллюзия безвестного автора частушки на царя-преобразователя не выглядит случайной. Очередная волна модернизации в России была в разгаре.

Самым важным событием детства Владимира Ильича — наряду с первым «укусом» власти — была поездка в Москву. Город вообще представляется крестьянину местом праздника. Крестьянский сын вкусил праздника в 1937 г. Выпало ему счастье учиться в подмосковной школе в Химках, где работал тогда его старший брат. Он описывает свой восторг от Кремля, от метро, от дирижабля, увиденного на лыжной прогулке. *«Посещение*

мавзолея вызвало у меня слезы, а участие в первомайской демонстрации по-настоящему безграничную радость». Он учился говорить на «а», по-московски, он начал изучать немецкий язык, которого, конечно же, в деревне не учили. А Парк культуры имени М. Горького, где тогда проводились грандиозные, немыслимо пышные праздники с народным гуляньем, воплощавшие все мыслимые виды тоталитарного соблазна? А волшебный мир радио, породивший острое желание сделать радиоприемник самому? Вместе с классом он побывал в музее Ленина и музее мозга, приобщился к театру и кино. Чаплин приводил его в восторг. Он читал книгу Голубевой «Мальчик из Уржума», усладу не одного советского поколения. *«Я любил слушать по радио выступления Л. Утесова и В. Хенкина, И. Москвина, И. Ильинского и многих других. Любил песни И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача. Мы следили за эпопеей И.Д. Папанина. В Москве я потратил много времени, шатаюсь по улице Горького, внимательно разглядывая витрины магазинов электротоваров. Мне очень многое хотелось купить для моего радиоприемника, который делал в деревне, у которого многого не доставало. Мне хотелось иметь увеличительное стекло, лупу, линзы, а для чего, сам не знаю. Но для покупки нужны были деньги, которых у меня не было».* Поле желания достигло своего максимального напряжения.

В Москве Владимир Ильич перестал чувствовать себя изгоем, его приняли в пионеры. И прозвище у него в классе было «Ленин», что вероятно, льстило. Столичная жизнь таила в себе неизъяснимое очарование. Он принимал всю ее целиком, без изъятий — как знак иного, не похожего на деревенскую рутину праздничного существования. Жизнь давала одновременно чувство новизны и общности, единства с большой советской семьей. Отступал деревенский ужас одиночества. *«Я уже в те годы читал регулярно "Пионерскую правду", "Крестьянскую газету", "Правду Севера". С особым вниманием читал материалы судебных процессов над врагами народа. Я знал имена — Н.И. Ежов, А.Я. Вышинский, В.М. Молотов, И.С. Хохлов, Г.М. Маленков. Особую популярность в народе имели М.И. Калинин, С.М. Киров. У меня особую горечь вызвало убийство С.М. Кирова. Любовь к Сталину у меня была искренней. Я верил в величие Сталина. Все казалось естественным и необходимым».*

Итак, в Москве праздник. Владимиру Ильичу очень хотелось учиться, ибо он, как и другие люди его поколения, прекрасно осознал, что *«без образования придется работать в колхозе на физической работе».* Но пришлось ему вернуться в деревню. Человек с семилетним образованием считался там образованным. Он стал учеником счетовода, но через год его уволили по сокращению штатов. Большого праздника не получилось, малый продолжался. *«Год был разгульный: читал, играл на балалайке, участвовал в художественной самодеятельности».* Молодежь собиралась по 40—50 человек. В белые ночи 40-го года плясали, гуляли под гармошку, *«крутили патефон, без конца слушали песни Вадима Козина, Юровской, слушали арию Фарлафа из "Руслана и Людмилы", читали книги, ходили в кино».* Внимание исследователя обращает на себя сочетание деревенского и городского в молодежном досуге, где деревенского, пожалуй, все же больше. Так или иначе молодые люди как бы отдыхали перед рывком.

Как они уходили, или путь к новой рациональности

Биографии людей поколения, вступившего в зрелость накануне второй мировой, как будто сошли с конвейера. Ступени ухода из крестьянства типологичны: какие-нибудь курсы, педагогический или сельскохозяйственный техникум (попадался мне и гибрид — агропедагогический), армия и только потом образование и некая карьера — кому повезет. Нередки бывали и срывы.

Владимир Ильич закончил десятимесячные курсы при Шенкурском педучилище. Именно там он вступил в комсомол и научился бальным танцам, после чего был направлен на работу в деревенскую школу. Там же в Шенкурске он прошел приписку в армию. Нашего современника удивит волнение Владимира Ильича, связанное с огромным желанием в армию попасть. *«Ночь перед припиской я не знал как скоротать, не спал, боялся проспать,... да и переживания невероятные, так хотелось служить в армии».* Размышляя над фактом «переживаний», нельзя забывать, что армия — сильнейший модернизирующий

фактор. В тогдашнем обществе красноармейцы воспринимались как люди, которые уже обрели новую идентичность и статус. Казалось, их жизнь уже обрела форму и смысл, они стали членами новой группы с высокой степенью солидарности. Будущее виделось обозримым и зависящим главным образом от собственных усилий человека. Как агенты модернизации, военные служили примером соотношения между усилием и вознаграждением, они были символом справедливости, основанной на заслуге. Подобное отношение к армии можно обнаружить во всех обществах, претерпевающих модернизацию. Кроме того, армия виделась местом, где можно было спрятаться от опасности. Тем более, что «альтернативы» постоянно о себе напоминали. Владимир Ильич был родом из тех мест, куда ссылали. Он сам же пишет: *«В верховье реки Тарня возник поселок Уксора, где были поселены кулачество с юга страны. Более 10 тыс. человек прошло через этот поселок, многие из них умерли от трудностей»*. Кстати, за одного из ссыльных вышла замуж его сестра.

Вопрос о том, как именно эти молодые люди воспринимали происходящее в лагере, еще ждет своего ответа. Напомним, что крестьяне — люди, которым вид внутренностей привычен. Тоталитаризм — плата за раскрестьянивание.

Владимира Ильича призвали в армию в 1940 г., на Северный флот. Ожидания его оправдались. *«Мне нравился порядок, дисциплина: все по расписанию, четко, напряженно»*. Опять подчеркну значимость этих элементов планирования для изменения временных измерений восприятия мира. Кроме того, в армии Владимир Ильич познакомился с новыми для себя атрибутами цивилизации — тюфяками и постельным бельем, какао с белым хлебом и маслом на завтрак. Что еще получил он в армии? Конечно же, он приобщился к истинам Краткого курса истории ВКП(б), изучение которого в армии тщательно контролировалось Главпуrom РККА.

Не будет преувеличением сказать, что это было своего рода обучение новой рациональности в условиях модернизации сверху. Рациональность в неэкономическом обществе не могла возникнуть сразу как результат открытого процесса. Специалисты, исследовавшие различие городского и сельского когнитивного стандарта, отмечают, что городской стандарт — истина как определенность, деревенский — истина как неопределенность. Изучая Краткий курс, молодые люди познавали истину как определенность. Идея контроля человека над переменными, над безличными непредсказуемыми силами входила в их сознание через идею исторической необходимости, как она формулировалась в Курсе. Поиск врагов был близок традиционным составляющим их сознания. В результате время для них превращалось в стрелу, переставало быть кругом времени. Прогресс становился ключевым термином и точкой отсчета на когнитивной карте.

Отсутствие экономических оснований проиндустриального мышления толкает общество к тому, чтобы таковое внедрялось через дискурс власти. Нормативное целеполагание воплощалось в Кратком курсе. Нормативная цель вроде бы только навязывалась. Но она и воспринималась теми, кто полагал получить жизненное вознаграждение *«за дисциплину мышления»*. Деятельность, составляющая фундамент индустриализации, требует не просто дисциплины и самоорганизованности самих по себе, но более рационального поведения, основанного на дисциплине. Для рационального поведения важно — как результат — не столько потребление «здесь и теперь», сколько отсрочка вознаграждения с целью накопления и инвестиций. Советская культура диктовала «экономике жертвы» и вынужденный аскетизм — вот она, наша аскеза! Потребление было отложено до коммунистического завтра с его распределением по потребностям, а в реальной жизни люди сразу тратили то, что получали. Накапливал Левиафан государства.

Рациональность касается соотношения между целями и средствами. Психологически она является именно средством, а не конечным состоянием. Через рациональность человек получает воздаяние, обретает социальное спасение. Владимир Ильич тоже подходил к рациональности как к средству. Овладевая истинами Краткого курса, не только получал социальное одобрение, он спасался от гибели, убежал от смерти.

Но в целом Владимир Ильич действовал в жизни так, как действуют крестьяне. Он вел молчаливую и терпеливую борьбу за существование, культивируя извечные формы крестьянского сопротивления. Он участвовал и уклонялся, как «лист травы». Он исповедовал уравнительность в том смысле, что все имеют право на жизнь. Крестьяне, искони кем-то управляемые, в принципе не знакомы с функционированием государства как сложного механизма. Они воспринимают его либо как чудовище, либо как большую семью, выполняющую устрашающие функции. Начиная жизнь в большом обществе, они участвуют и ускользают, они понимают и не понимают. Чаще всего они не подозревают.

Позднее, подытоживая свой жизненный путь, Владимир Ильич писал, что жизнь его могла *«пойти в двух направлениях, или по пути крестьянина — мелкого собственника, или по пути развития нового человека с коммунистическим мировоззрением»*. Он пользовался клише эпохи, чтобы объяснить свой жизненный выбор. Совершенно ясно, что за «словами» стояли суровые жизненные реалии: или тяжелый физический труд, а часто просто смерть и погибель, или возможность вертикальной мобильности через соглашение с властью, через участие в идеологической игре. Собственно выбор как выбор рациональный не совершался. Молодые люди «дрейфовали». Они действовали в соответствии с собственной диспозицией, которая в те годы (культурная революция, первые пятилетки) подсказывала им целесообразность участия в новой социальной игре. А чувство игры — это ощущение собственной позиции в социальном пространстве и точное ощущение позиции других. Таково свойство игры.

В партию Владимир Ильич вступил на Северном флоте в 1942 г.

«Мне нравилось работать с людьми»

Возвратившись из армии летом 1946 г. Владимир Ильич был без работы. За помощью он обратился в райком. Через некоторое время, в течение которого он проработал учителем начальной школы, ему предложили стать пропагандистом в райкоме партии. Как пишет он сам, *«над ответом я долго не думая»*. Не хочешь возвращаться к деревенскому образу жизни, да еще в послевоенной, до предела ослабшей деревне, иди во власть, пусть даже в маленькую.

Воспоминания Владимира Ильича — интересный источник информации о том, чем, собственно, занимался низовой партийный работник, этот «рычаг» партии. Деятельность была прочно связана со словесными играми: курсы, чтение лекций. Любимые темы Владимира Ильича не были связаны с деревенской жизнью: «Международное положение», «Текущий момент», «О работе ООН». Это казалось, вероятно, проще и понятнее. Деревенская жизнь была сложнее. Ему приходилось ездить по деревням с облигациями госзайма, вместе с начальником милиции он «обеспечивал выполнение плана сдачи хлеба государству колхозами». Он пишет: *«Проводили все, что в этих случаях следует: партсобрание, заседание правления, уговаривали председателя колхоза. Проводили отчетно-выборные собрания в колхозах. Тут самое трудное — вопрос о председателе колхоза. Не давали колхозникам избрать, как тогда говорили, своего. На собрании нужно было принять необходимое решение. Мы боимся ставить вопрос. Наконец, я решаюсь..., но наоборот: кто против решения правления и парторганизации»*. Словом, воспоминания свидетельствуют, что партийные директивы воплощались в жизнь отнюдь не автоматически, действовали и хитрость, и компромиссы. Власть осуществлялась через идеологическое слово, идеология и жизнь друг к другу приспособлялись.

Через некоторое время, в 1949 г. Владимир Ильич стал заведующим отделом районного комитета в Амдерме, что севернее Усть-Кары, на краю света: район, по площади равный Голландии. Владимир Ильич заведовал отделом пропаганды и агитации. Опять он ездит в командировки: чтение лекций, общий надзор над бригадами оленеводов, выборы в Верховный Совет у ненцев. Читая воспоминания, ощущаешь, что же на самом деле представляла собой такая функция чиновника, как установление всеобщей общественной связи, привнесение универсального начала в локальную общественную жизнь.

Владимир Ильич и здесь действовал, участвуя и уклоняясь. Как он сам это выражает: *«Моя работа в райкоме была значительно легче, чем в райкомах на материке: хозяйство небольшое, начальство далеко, телефонной связи нет. Связь осуществлялась по радиции»*. Здесь у него хватало времени и на охоту, и на рыбалку.

Опять не хотелось бы упустить сочные детали бытия. Председатель местного колхоза дал своим детям-близнецам имена: Рево и Люция. И был там еще *«секретарь окружкома партии... не очень грамотный и довольно нудный, но предельно простой человек. Он, бывало, читал у нас публичную лекцию по международному положению СССР, читает, читает, а потом остановится, снова прочитает понравившуюся ему мысль и скажет с удивлением: "Вот оказывается как!"»*

Здесь же в Амдерме застала его смерть Сталина, которую он принял близко к сердцу: *«Усилиями партии любовь народа к нему была доведена до истинных чувств. Я, находясь*

на партийной работе, часто писал письма СТАЛИНУ² для принятия их различными собраниями. Писал от души, с истинными сыновними чувствами, без тени фальши, я ему верил, обожествлял. Его выступления, книги просты по содержанию, четки по изложению». Для Владимира Ильича Сталин был главой семьи, отцом-демиургом, который мог взять, но мог и дать. Если бы герой наш читал Б. Пастернака, он мог бы повторить с поэтом: «Ты держишь меня, как изденье, / И прячешь, как перстень, в футляр».

В 1954—1957 гг. исполнилась заветная мечта Владимира Ильича о получении образования. Произошло это в Архангельской партийной школе. Где он еще мог его получить? В воспоминаниях довольно подробно описывается программа школы, приспособленная, с одной стороны, к потребностям государства и партии, с другой, к возможностям тех, кто желал послужить партии, а заодно и себе. «Общественно-политические дисциплины, практика партийной работы. Минимум знаний по гуманитарным вопросам, даже учили арифметике. Значительное место занимала экономика сельского хозяйства и технология некоторых видов производства. После окончания ОПШ можно было работать в школе, вести историю, работать экономистом, младшим агрономом-организатором».

Во время учебы слушатели бывали в театре, встречались с интересными людьми — например, с пулеметчицей дивизии Чапаева, М. Водопьяновым, Л. Утесовым. Естественно, слушатели участвовали во всех праздничных демонстрациях. Владимир Ильич как-то подтески гордился тем, что на первомайской демонстрации он стоял на трибуне. Пропуск на трибуну хранится в его бумагах. Тогда же он впервые побывал в Ленинграде, увидел дворцы и площади... Жизнь подарила ему воспоминание о московском празднике... Владимир Ильич закончил школу с отличием и получил назначение вторым секретарем горкома партии в Мезени.

Жизнь, правда, снова пришлось начинать с нуля, с ночевки с семьей в райкоме. Нельзя сказать, что Владимир Ильич за свои труды получал сверхвознаграждение. Сначала — двухкомнатная квартира без удобств, в 1958 г. квартира в деревянном полукрестьянском доме с забетонированными стенами, которую Владимир Ильич величает «дзотом». Только в 1967 г., через десять с лишним лет после приезда в Мезень, он получает трехкомнатную квартиру в 12-квартирном доме. Тут же — фотография этого дома: обычное советское строение, кирпичное, барачного типа, без претензии на «архитектуру». Перед домом пруд, за прудом обычные полудеревенские дома. Маленький северный городок.

Опять начались командировки — на самолете, чаще на лошадях, иногда на оленях. Организация отдела пропаганды и агитации, парткабинета, руководство народным образованием, культурой и спортом, подготовка к бюро, пленумам, собраниям партийно-хозяйственного актива, проведение семинаров и лекций — таков круг его обязанностей. Он опять, в меру возможного, стремится «не высовываться»: *«Мне повезло, за все годы работы в партийном аппарате мне не пришлось ни разу отчитываться на заседаниях вышестоящих парторганов, ни разу не выступал на областных собраниях, пленумах, хотя подготовку к этому вел и не раз»*. Он по-крестьянски бежит от власти, но он уже плоть от плоти ее, настоящий рычаг... В принципе, он не хочет ничего дурного и порой сожалеет о содеянном. *«В моей работе были ошибки, которые не остались незамеченными. Я в эти годы очень болезненно воспринимал появление новой эстрадной музыки — теперь придерживаюсь принципа "Пусть расцветают все сто цветов!" Вот почему позволил себе необдуманый шаг и в Доме культуры в праздничный день на танцах запретил баянисту исполнять мелодию эстрады, хотя по-нынешнему ничего предосудительного в ней не было. Об этом я очень и доныне жалею, что допустил такую бестактность. Правда, я был немного подвыпивши, что и повлекло к проступку. С точки зрения официальной дела мои, действия в те времена как-то оправдывались, но молодежь осталась недовольна мной»*.

Каждый раз Владимир Ильич со страхом переживал кампании по направлению в колхозы 25—30-тысячников, но *«все же случилось, случилось в 1960 году»*. Первый секретарь *«сразу решил отдать двух секретарей на должность председателя колхоза»*. В числе «отданных» был и наш герой. Тогда укрупняли рыбацкую артель и создавали колхоз под названием «Вперед», в чем сам Владимир Ильич особого смысла не видел. Он, однако, покорился, и его «избрали» председателем. Колхоз объединил восемь малых и больших

² Именно так, заглавными буквами в тексте. — Н.К.

деревень, расстояние между которыми доходило до 60 км. Добросовестный Владимир Ильич окончил курсы шоферов, и сам стал водить колхозный автомобиль. Он решил вводить в колхозе грамотное делопроизводство, бухгалтерский учет и, конечно же, регулярно проводить собрания. Он ощутил, что ему не хватает знаний и надо бы еще подучиться. Он окончил заочно ВПШ при ЦК КПСС.

Владимир Ильич, похоже, жил по толстовскому принципу: «не делай, что любишь, а люби, что делаешь». Он полюбил свою работу. *«Мне было почти 40 лет, имел опыт работы в школе, теперь осваивал хозяйственную работу, которая мне нравилась больше из-за того, что люди нравились, я пользовался уважением, мне нравилось работать с народом..., слушать остроумную речь»*. Народ, наверное, неплохо относился к Владимиру Ильичу. Принцип «не высовывайся» был народу близок.

В 1961 г. колхоз первым в районе решили превратить в совхоз. Владимир Ильич прекрасно видит подводные камни такой перемены. *«Сложность состояла в том, что все основные средства переходили в собственность государства без выкупа»*. Но снова наш герой, как лист травы, согнулся под дуновением нового ветра, чтобы не сломаться и выжить. Новому объединению пришлось отказаться от рыболовства, привычного для русского Севера. Зато *«на Севере вынуждены были с серьезной миной на лице сеять на лучших площадях сахарную свеклу и кукурузу, ибо в то время ходило изречение "Если кукурузу не посадишь, то тебя посадят"»*. Вообще к Хрущеву Владимир Ильич относился плохо, как, впрочем, и к Брежневу.

Деревня — родина Владимира Ильича. Но сам он уже не считал себя деревенским и действовал как человек, деревне посторонний. Он не один раз подчеркивает: *«Редко по собственной инициативе заходил в райком»*. Заходил он редко, зато крепко попался на крючок власти, и сам был для других таким крючком. Словом, большие рыбы пожирают малых, как на известной гравюре Брейгеля-Старшего. Система хозяйства подтачивала собственные основания, но парадоксальным образом прикрепляла к себе все больше людей. В их числе был и Владимир Ильич.

К 50-ти годам здоровье Владимира Ильича совершенно подорвано. Он уходит из совхоза, работает в Мезенском РОНО и в Управлении сельского хозяйства. В 1974 г. он навсегда покидает маленькую Мезень и переезжает в Кострому. Он покупает кооперативную квартиру — трехкомнатную, 46 м² жилой площади, в панельном доме с плохой герметизацией швов, невероятной звукопроницаемостью и неудачной конструкцией рам.

В Костроме Владимир Ильич продолжил свои наблюдения над жизнью. Он недоволен *«результатами развития»*. Однако то, что ему так не нравится, он никак с собственной деятельностью не связывает. Не дано, наверное, крестьянскому сыну познать механизм работы большого общества... В 1979 г. он записывает в своем ежегоднике: *«Мало какие товары можно купить без очереди. В торговле нет льняных, хлопчатобумажных тканей... В ноябре везде расхватили моющие средства, порошки, мыло, теперь их можно купить только в очереди и по норме. На прилавках нет нигде самых пустяковых товаров, таких как зубные щетки, электролампочки и т.п. Цены на базаре высокие... Масло, молоко, яйца, сметана в торговле бывает, конечно, с перебоями. Горожане оказывают помощь сельскому хозяйству с весны до поздней осени»*. Но в целом он опять доволен. Работает сторожем: *«Пока возможно, надо оставаться на нынешней работе. Тут есть угроза, что склады эти в недалеком времени ликвидируют. А служба эта для меня очень хороша. Весь день можно заниматься личными делами и тебе никто не мешает. Платят около тысячи рублей в год. Имеешь связь с миром... Здесь я беру из отходов много необходимого для меня материала для поделок (доски, фанера, гвозди, макулатура, бензин). Имею возможность пользоваться небольшим участком земли для огородничества. Получил часть продуктов по себестоимости. Здесь имею возможность работы на "сторону", за которую мне платят немного денег. Все это было без злоупотребления, без причинения материального ущерба для государства и службы»*. Владимиру Ильичу много не надо, лишь бы можно было жить.

Он занимался различными поделками, гербарием и дневником погоды, фотографией, огородом, цветами и грибами. Он пишет свои записки и аккуратно их переплетает. Когда после 1985 г. этот мир, с таким трудом выстроенный и обустроенный, стал давать трещины, Владимир Ильич испытал боль. Он стал, как заклинание, повторять старые слова...

Культурный горизонт

Сегодня то тут, то там разгораются споры, а был ли он, советский человек. Быть может, «советский человек» — лишь старая идеологема наоборот? Думаю, эта биография, взятая вкупе с другими, свидетельствует, что такой человек все же существовал. Не в том дело, что он уникален как культурно-антропологический тип. Такими людьми населен мир, и во многих отношениях миф о советском человеке действительно не столько проясняет, сколько затемняет и без того непростую его родословную. Человек, вернее тип человека, о котором идет речь, уникален, поскольку уникальны условия его вхождения в модерн. Владимир Ильич — первое поколение. Он ничему не наследовал, кроме разве что извечной крестьянской способности к выживанию. Аналогия — переход из мира устного слова и мир письма и печати. Поколение это училось новым правилам жизни, вырабатывало новые опознавательные знаки и социальные коды. Эти люди подверглись «преображению». Они пассионарны и своей жизнью, и своим телом создали советскую цивилизацию. Много это или мало? Они — советские люди в том смысле, что их культурно-когнитивная карта не выходит за пределы советскости. Оглянуться вокруг они не успели. Они попали в городское общество. Они не люмпены. Это, скорее, род среднего класса. У Владимира Ильича в 1980 г. на сберегательной книжке была сумма, достаточная для покупки двух автомобилей. Нам уже известно, что и квартира у него кооперативная. Досуги, правда, не во всем городские. Любимое времяпрепровождение — хождение в гости. Он все время испытывал тоску по утраченной большой семье. Всю жизнь отыскивал исчезнувших с горизонта родственников, писал письма, принимал у себя.

Владимир Ильич полюбил путешествовать. Побывал за границей. Интересно отслеживать, что он видел, чего не замечал. В туристической поездке по Волге его в общем-то интересовали только памятники советской эпохи, его собственный мир. Старые европейские города не вызвали никаких ассоциаций, это — не камни его родины. В Польше, в ГДР он видел повседневность, иной быт, специально обратил внимание на то, что по вечерам люди не гуляют по улицам. Разве что Освенцим произвел впечатление.

Мир советской массовой культуры — его мир. Он «потреблял», что давали. Со страстью неопита читал М. Горького, Н. Островского, других советских классиков. Со свойственной ему дотошностью каждый год писал реестры прочитанных книг: Г. Серебрякова — «Маркс и Энгельс», В. Личутин — «Долгий отдых», Ф. Бурлацкий — «Мао-цзе дун и его наследники», Е. Долматовский — «Было», Ж. Дюкло — «Во что я верю», И. Папанин — «Лед и пламень», Лео Таксиль — «Забавное Евангелие» и т.д. и т.п. Советская массовая продукция перемежается редкими включениями из классики: Пришвин, Блок, Батюшков. Да еще крестьянские поэты: излюбленный С. Есенин, И. Никитин, да А. Кольцов. Владимир Ильич подписывался на «Известия», «Советский спорт», «Науку и жизнь», «Технику молодежи», «Человек и закон», «Неделю» и «Веселые картинки» для внуков. Это поколение очень полюбило телевидение. У Владимира Ильича два телевизора. Один из них на кухне, так что передачи смотрят за едой, особенно любимые: «Клуб кинопутешественников», «Человек и закон», «В мире животных», «Хочу все знать». Телевидение и путешествия — досуг эпохи модерна, любовь к гощению и прогулкам принадлежит, скорее, обществу традиционному. Посещая новые праздники, Владимир Ильич неизменно отмечает исчезновение моментов соучастия и всеобщего веселья. На старости лет он решил познакомиться с Евангелием. Бумаги содержат наивное описание того, что он там вычитал. Описывал как чужое и диковинное... Обращение к собиранию личного архива и неустрашимое стремление написать биографию — признак современного способа самоидентификации. Словом, Владимир Ильич с традиционным обществом расстался навсегда.

Всю жизнь люди этого поколения отреклись от своего крестьянского прошлого, старались не напоминать о нем слишком часто. На старости лет они стали подумывать, а не вернуться ли в деревню. И в то же время понимают, что время ушло. Владимир Ильич пишет: *«Я действительно, так хочется все повернуть вспять, повторить эту милую жизнь в деревне, не меняя ничего! И кто знает, если бы судьба не лишила меня возможности жить вместе с по-настоящему верным, добрым и стойким другом и соратником жизни, не исключен был бы вариант возвращения в деревню на последние годы жизни»*. Все-то кажется, что возврату мешают нечто случайное. Стоит только захотеть...

Но остаются только воспоминания, которые с каждым годом тревожат все чаще: *«Лучшей порой лета, конечно, был сенокос. Мне запомнилось, что погода в те годы была отличная, солнце, быстротечные грозы, тепло. Сенокосы возле реки, и искупаться было*

где, и у взрослых, и у молодежи находилось время для купания... В 20-е годы, когда я еще был ребенком, на сенокосе находили соты диких пчел. Какая это была радость: мед диких пчел на сенокосе очень вкусный! На сенокосе можно было ловить рыбу удочкой и сетями. Иногда взрослые любители рыбалки сетями, дорожкой, крюками ловили по тем временам много рыбы, и крупной! А как приятно спать на сенокосе в шалаше или палатке!... А с каким искусством крестьяне делали грабли, косы, деревянные вилы для метки сена, дровни для возки сена! Все это делалось легким, ручной инвентарь красили в яркие краски... Сцена обеда на сенокосе прекрасна: на берегу речки множество людей сидит прямо на земле группами или сплошь, пестрая одежда, разные позы, интересная домашняя утварь... А деревенские яства, свежие пироги из муки нового урожая, блины, ягоды и грибы, ржаной подовый хлеб круглыми караваем... А если готовится праздник, или ожидается гость, то обязательно в былые времена варили пиво — признак высочайшего гостеприимства». Словом, безвозвратно утраченный рай...